

18+

Александр Фёдорович
Никонов

**ПОСЛЕДНИЙ
ВЫСТРЕЛ
СОЛТМУРАДА**

Александр Никонов

Последний выстрел Солтмурада

«Издательские решения»

Никонов А. Ф.

Последний выстрел Солтмурада / А. Ф. Никонов —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-748301-2

В сборник вошли две повести о войне в Чеченской Республике конца 20 века под общим циклом «Кавказский разлом». Повести «Последний выстрел Солтмурада» и «Цветок на диком камне» написаны давно, но ни одно издательство не решилось их опубликовать. Автор надеется, что истинный читатель оценит их правдивость и художественную привлекательность. Книга содержит нецензурную брань.

ISBN 978-5-44-748301-2

© Никонов А. Ф.
© Издательские решения

Содержание

Последний выстрел Солтмурада	6
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Последний выстрел Солтмурада

Александр Фёдорович Никонов

© Александр Фёдорович Никонов, 2021

ISBN 978-5-4474-8301-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Последний выстрел Солтмурада (повесть из цикла «Кавказский разлом»)

1

Полковник ичкерийской армии Солтмурад сидел за дощатым столом, наскоро сколоченным из не струганных дубовых досок, устало подпирая свою отяжелевшую голову черными от пороховой гари руками, и размышлял о превратностях и поворотах своей жизни. А мысли его ворочались в голове, словно валуны в стремительной горной реке – нехотя и лениво.

Там, наверху, гремел бой, который продолжался почти без перерыва целую неделю. Ему не надо было выходить на поверхность, чтобы знать, что происходит, за долгие годы войны с федеральными войсками он научился безошибочно определять, где, откуда, кто и из какого оружия стреляет: вот утробно гудит мина полкового миномета, через некоторое время пукает танковая пушка, а вот что-то клепают крупнокалиберный пулемет Калашникова. Танковая пушка пукает оттого, что федералы открывают люки во время стрельбы, чтобы избыточное давление внутри башни при попадании в нее снаряда или гранаты не размазало экипаж по стенке. Этим иногда пользовались чеченские ополченцы, стараясь забросить внутрь гранату, – иногда это получалось.

Да, превратности судьбы и жизни... Еще неделю назад он чувствовал себя орлом, стоял на скале и, обозревая в мощный цейсовский бинокль свое родовое гнездо, ютившееся у выхода из ущелья, с нетерпением ждал того часа, когда он снова очутится в родном селении, где сорок два года назад его покойный отец выхватил новорожденного из рук повивальной бабки, поднял сына над краем утеса, у которого стояла их старая сакля, и закричал на весь свет:

– Сы-ы-ын! Айт, люди хорошие, у меня родился сын! Я приглашаю всех в гости, на той! Приходите, добрые люди, разделите со мной мою великую радость!

Эхо катилось по горным теснинам, ущельям и лесам, разнося радостную весть до соседних селений. А уже вечером за стенами их полуразвалившейся сакли слышались радостные возгласы мужчин и женщин, которые пришли поздравить счастливую супружескую чету с рождением нового горца. Женщины бегали со двора в дом, из дома во двор, где в больших казанах томилась баранина и плов, подносили гостям угощение, а потом и сами садились попировать на женской половине. Угощение было скудным, несколько караваев хлеба и лепешек, испеченных из овсяной муки пополам с лебедой и отрубями, сушеный сыр, толченые орехи с постным маслом, и если бы не помощь колхозного председателя, который выделил одного барана и две плоски риса, праздник походил бы на поминальный ужин.

Ну что особенного – человек родился. Каждый день и час, каждую минуту и секунду в этом мире рождаются сотни и тысячи детей. Но это событие было примечательно тем, что здесь, в маленькой горной стране, появился человек, впервые рожденный после сталинской депортации целого народа, когда разбросанный по самым дальним краям и весям необъятной России большой и влиятельный тейп впервые собрался на исторической родине. Люди возвращались в родные места, и слезам их не было конца, когда они подсчитывали свои потери: лишь каждый третий остался жить после страшной мясорубки, которая день и ночь работала на просторах Советского Союза.

Но в этот же день случилось и горе: пока праздновали день рождения Солтмурада, не выдержав тяжелых родов и истощения, умерла его мать. Правду говорят в народе, что веселье от печали ничего не отделяет, только веселье – это начало жизни, а печаль – ее конец. Уже в этот же день родительницу похоронили.

Отец Солтмурада был безутешен, он не выходил из дома почти месяц. Жена его была еще очень молодой, ко дню кончины ей не исполнилось и восемнадцати. Рассказывали, что отец

увидел ее первый раз, когда она собирала на склоне горы хворост. И хотя ему в тот год было уже около пятидесяти и у него до этого было две жены и четыре дочери, при виде красавицы у мужчины закипела кровь, и он, как настоящий горный орел, не упустил добычу. И сватовство, и женитьба, и зачатие Солтмурада, по всей видимости, произошли в один день, потому что у невесты из родных никого не осталось и она жила совсем одна в выкопанной на скалах землянке. А кормила Солтмурада грудью родная сестра, у которой несколько месяцев назад тоже родился ребенок.

После похорон о матери, кроме ее мужа, никто не сожалел: видно, так хотел Аллах. Женщина совершила самое святое из предназначенного ей на этой земле – подарила мужу и свободным горам нового свободного горца, и только за это Аллах должен принять ее в свои райские сады. А там, на небесах, всегда лучше, чем на грешной и грязной от людских помыслов и поступков земле.

Через несколько лет жизнь постепенно наладилась. Отец построил большой добротный дом, приобрел кое-какую мебель, развел живность: корову, лошадь, баранов. После смерти жены больше не женился, жил вместе с младшими дочерьми и своим любимым, ненаглядным сыном, в котором он души не чаял. А когда Солтмураду исполнилось двенадцать, неожиданно умер прямо на пороге своего нового жилища.

В тот день Солтмурад впервые почувствовал себя мужчиной, он вдруг понял, что остался единственным кормильцем и единственной опорой семьи. Муж старшей сестры, которая его выкормила, и которую мальчишка почитал больше матери, все больше пропадал на базарах и водился с сомнительными друзьями и, в конце концов, угодил в тюрьму за поножовщину. И Солтмурад остался единственным мужчиной в семье. Ведь не будут же женщины пасти баранов, косить сено, вспахивать землю, сажать яблони и виноград.

Здесь, в горах, жизнь текла по совсем другим, чем на равнине, законам. Как говорили горцы, они ближе, чем другие, к Аллаху, и Аллах дарует им свободу и чистоту помыслов. Советская власть здесь была номинальна: да, был здесь аулсовет, председатель, к которому все бегали за справками с печатью, раза два в месяц наезжал участковый, который считал баранов, коз и коров, а потом неделю пьянствовал, переползая от дома к дому. А так все жители жили не по законам власти, а по законам шариата, которые ниспослал им сам Аллах, выполняя наказания старейшин и муллы.

Когда Солтмурад попадал в город, он, как дитя неизреченной, первобытной природы, с искренним изумлением и дрожащей внутри него злостью наблюдал, как в предгорьях и на равнине чужие люди – русские, украинцы, молдаване – строили города, заводы и ковыряли машинами землю, чтобы достать из нее зловонную нефть, перерабатывать ее в еще более зловонные и ядовитые бензин и солярку, чтобы машины, в свою очередь, двигались и загрязняли чистейший горный, настоящий на свежайших снегах, цветочных запахах и изумительной красоте, воздух.

Он не любил русских за то, что они постоянно сквернословили, упоминая при этом нехорошими словами Бога, которому молились, и мать, самое святое, что есть у человека на земле, без разбору пьянствовали в будни и праздники и спаивали его соплеменников. Он не любил их за то, что они развязно вели себя с горскими женщинами, но еще больше он ненавидел самих горских женщин, которые готовы были кинуться на шею неверному, презрев древние обычаи предков и законы шариата.

Однажды, когда Солтмурад был в Грозном, он увидел, как совсем юная девушка-чеченка сидит на скамейке в парке, что-то шепчет на ухо русскому, позволяя ему обнимать себя и прикасаться губами к щекам. Солтмурад остановился и зло бросил ей на чеченском языке:

– Ты позоришь весь свой тейп, когда позволяешь этой неверной собаке прикасаться к себе! Ты позоришь своих родителей и всех чеченов! Разве среди них ты не можешь найти настоящего мужчину?

Юноша, не понимая чеченского языка, спросил девушку:

– О чем он говорит? Он что, твой знакомый?

Нисколько не смутившись, девушка ответила:

– Не обращай внимания, это мой дальний родственник.

Она улыбалась, ее волнение выдавали лишь расцветшие на смуглых щеках розочки. Она спокойно встала, подошла к Солтмураду и, не повышая голоса, ответила на родном языке:

– Ты не в горах, а в цивилизованном городе, и не тебе давать советы. Иди, чабан, к себе в горы, паси своих баранов и не суй кнутовище в свой собственный зад. Понял?

Девушка подошла к парню, взяла его под руку, и они удалились. Кровь брызнула по всей коже Солтмурада. Как, эта сопливая девчонка позволила себе обозвать его, истинного горца и мужчину, этой презрительной кличкой – чабан!? Он знал, что таким оскорблениям подвергали лишь тех чеченов, которые не хотели заниматься истинно мужским делом – воевать с неверными и продавать их в рабство. Да, он, Солтмурад, не воевал с русскими и не брал их в плен, но если бы такой случай представился, он уничтожил бы их безо всякой жалости, он отрезал бы им головы, сжигал бы их на кострах, закапывал бы в землю...

Рука Солтмурада нащупывала то место на поясе, где должен был висеть кинжал, но его там не было. Он чувствовал, как от бессильного скрежета крошатся его зубы, от злости он готов был голыми руками разорвать на части этого чубастого светловолосого парня и предательницу-чеченку, но тут рядом с ним раздался чей-то голос:

– Что тут происходит?

Солтмурад с достоинством повернул голову, краем глаза увидел русского милиционера и ответил:

– Я просто спросил у них дорогу до магазина, но они почему-то на меня обиделись. Разве я сделал что-то плохое?

Солтмурад ушел, не оборачиваясь, но внутри у него все кипело от обиды и негодования, он чувствовал, что по его венам течет не кровь, а горный поток, шуршащий песком и галькой. И тогда же он вспомнил слова покойного отца, который часто любил повторять сыну, когда его кто-то обижал: «Запомни, сынок, радость приходит и уходит, а обида остается навсегда. И если человек может вытерпеть унижение, то народ – никогда. Придет время, и те, кого долго обижали, обязательно захотят отомстить обидчикам».

И он всегда, каждый день, каждую минуту и секунду помнил эти слова. А когда во времена перестройки в Чечню приехал генерал Дудаев, которого в народе звали просто Джохаром, Солтмурад, не задумываясь, взял в руки оружие. Благо, что его не надо было ни покупать, ни искать. Однажды днем в его селение приехал грузовик, и разбитной, веселый молодой чеченец стал раздавать оружие каждому желающему. Молодежь хватала все подряд, лишь бы оно стреляло, взрывалось или, на худой конец, резало. Солтмурад, не видевший за всю жизнь никакого огнестрельного оружия, кроме старой дедовской шомполки, которую чудом сохранил отец, шашки, кинжала и ножа, долго расспрашивал об оружии и долго его выбирал. Оружия было много, нарасхват шли автоматы, пулеметы, гранатометы, которые старики метко окрестили «шайтан-трубой», но его больше всего поразила снайперская винтовка с оптическим прицелом.

Винтовка была старой, тяжелой, с облезлым прикладом, как узнал потом Солтмурад, системы Драгунова. По-видимому, она не один год пролежала на складе. Но лишь только Солтмурад взглянул в окуляр ее прицела, сердце его задрожало от радости и запрыгало молодым козленком. То, что он увидел через прицел, потрясло его до глубины души – такое потрясение у него было лишь однажды, в раннем детстве, когда он свернул шею пойманной птичке, и он с удивлением обнаружил, что у нее такая же алая кровь, как у него самого. А тут далекие леса и могучие горбы гор обступили его со всех сторон, словно могучие богатыри, защищающие его от врага, казалось, только протяни руку и можно дотронуться до росистой ветки или

до узорного листка; а вот какая-то птичка сидит на ветке и чистит свои перышки, не чувствуя присутствия человека; а вот мелькнуло лицо его односельчанина, словно он стоял всего в двух шагах, а не на другом конце улицы.

В тот же день Солтмурад записался в ополчение. Он шел домой по улице с гордо поднятой головой, ощущая на плече тяжесть оружия, и эта тяжесть придавала ему уверенность и спокойствие. Рядом постоянно крутились ребятишки, готовые если не сорвать оружие с его плеча, то хотя бы дотронуться до него, а Солтмурад незлобиво отгонял их от себя, словно надоевших мух. От его потяжелевшего и уверенного взгляда, как травинки от ветра, никли головы тех немногих русских, которые жили в их селении. Они виновато прятали глаза, хотя виноваты были только в том, что учили детей, лечили больных да помогали писать жалобы в вышестоящие инстанции. После того, как в разных концах селения стали постреливать хулиганы, русские как-то незаметно исчезли из села, словно крупницы соли упали в воду и растворились в ней, не оставив никакого следа.

А обстановка в Чечне становилась все тревожнее. Джохара выбрали президентом независимой республики Ичкерии, парламент разогнали, а на знамени нового государства защелкал зубами борз – кавказский волк. Наступило всеобщее счастье, равенство и братство, которое заключалось в том, чтобы не работать, танцевать на площадях, убивать, грабить, насиловать и изгонять из собственных домов иноверцев.

Но и тогда на волне общей эйфории от победы Солтмурад не тронул ни одного русского, хотя и люто ненавидел их. Ему достаточно было того, что они бежали из его родного села, как крысы с тонущего корабля.

Солтмурад, как и все мужчины села, не пропускал ни одного намаза в мечети, ни одного митинга, и жена все больше стала на него ворчать, что он совсем перестал заниматься домашними делами. Постепенно митинговые страсти улеглись, и Солтмурад опять по привычке вставал вместе с солнцем, убирал в хлевах навоз, кормил и поил скотину и выгонял ее на пастбище, потому что кроме крестьянской работы делать ничего не умел. Свою винтовку, которой он так восторгался прежде, Солтмурад спрятал подальше, чтобы дети, которых у него было шестеро, не могли ее найти, ведь известно, что оружие, даже незаряженное, стреляет в две стороны.

2

Наступила осень девяносто четвертого. Вся Чечня взбурилась, как Каспий в шторм, когда стало известно, что федеральные войска планируют наступление на Грозный. Ополченцы снова достали свое припрятанное оружие, кто-то, не стерпев неопределенности, ушел к Джохару, кто-то остался в селе, чтобы защищать свои семьи и жилища. Старший сын Солтмурада, Теймураз, которому к тому времени исполнилось шестнадцать, тоже собрался на войну. Сын-подросток стоял перед отцом с тяжелым автоматом на шее и перекинутым через плечо гранатометом с кумулятивным снарядом, которые он достал неизвестно где и как. Отец гневно посмотрел на него и стал говорить о том, что ему еще рано воевать, что... Но сын не опустил глаз, из которых фонтанами били злость, решимость и непокорность, и Солтмурад понял, что если он не отпустит сына с благословением, то тот уйдет сам. Он отстранил рукой плачущих женщин, обнял сына за хрупкие еще плечи и почему-то сказал:

– А я, сынок, так и не воевал. Ты береги свою голову и не жалея ног, если нужно ее унести от врага. А теперь иди. – Он тихонько оттолкнул его от себя и отвернулся, чтобы сын не заметил в уголках его глаз наворачивающихся слезинок.

Никогда не смотревший телевизора и не читавший газет, теперь Солтмурад прилипал к экрану и выуживал каждую свежую новость, а потом уходил к соседу, где собравшиеся мужчины до хрипоты обсуждали последние события в Грозном и проклинали собак-федералов, которые осмелились нарушить их пусть и нескладную, но мирную и устоявшуюся жизнь.

Как говорит пословица, если хочешь мира – готовься к войне. Теперь два дня в неделю ополченцы собирались на занятия по военной подготовке в школе, где уже давно никто

не учился. Они лазили по горам, копали окопы и строили укрепления, стреляли даже по живым мишеням, для чего некоторые жители выделили несколько баранов и гусей. Один молодой чеченец привез даже свинью, украденную у русских в Ставропольском крае. Ее изрешетили очередями и под улюлюканье и свист сбросили в пропасть, а баранов и гусей съели, сплевывая на землю свинцовую начинку. Отставной немолодой майор, служивший в советской армии, гонял их до седьмого пота, вбивая в чеченские головы русскую суворовскую мудрость.

Солтмурад учился стрелять отдельно. К его собственному удивлению, он с первого же патрона попал в мишень, которой служил старый, засохший дуб, стоявший за селом. На затеси, сделанной топором, в очерченном мелом круге он с удовольствием пощупал отверстие, оставленное его первой пулей. Он радовался, как ребенок, и ходил по селению с гордо поднятой головой. Глядя на его довольное лицо, инструктор лишь усмехался в усы: уж он-то знал, что через оптику при ясной, солнечной погоде в неподвижную мишень на расстоянии двухсот метров попал бы любой мальчишка. Но цели с каждым днем становились все дальше, дрожание в руках с каждым выстрелом все сильнее, а промахи все чаще. Внешне Солтмурад держался сдержанно и невозмутимо, чтобы не казаться смешным среди молодых бойцов, но внутри него клочкотал вулкан.

И лишь недели через две Солтмурад понял, что все его неудачи именно от этого внутреннего вулкана, ведь снайпер должен быть собранным, выдержанным и терпеливым. А когда инструктор объяснил, что на войне, в боевой обстановке, может охотиться не только он сам, но и противник, возможно, более опытный и меткий, Солтмурад собрал всю свою волю в кулак. И однажды, когда он смог поразить дикую серну, бегающую среди скал, инструктор потрепал его по плечу и уважительно сказал:

– Ты быстро учишься, Солтмурад, ты – прирожденный воин. Если бы твой отец был жив, он бы гордился тобой.

И он гордился, но только до порога дома, где его встречала крикливая жена:

– Ты когда бросишь играть в свои стрелялки! Взрослый мужчина, а ведешь себя, как мальчишка! Ведь у тебя есть дети, вон, скотины полон двор, она второй день не поена и не кормлена. Разве я одна везде поспею!

В другой раз Солтмурад поучил бы жену за неуважение к хозяину дома, но тут, чувствуя, что она права, молча пошел во двор, даже не поев, потому что видел, как жена захлебывается в домашних заботах.

А события в Грозном тем временем показывали, что люди сошли с ума, и Аллах отвернулся от них. Перед новым годом федеральные войска начали штурм столицы Ичкерии и через два месяца захватили ее. В селения и города стали привозить погибших, и над всей Чечней и Россией стоял скорбный плач и вой. Солтмурад переживал, что давно не было никаких вестей от сына. Жена постоянно плакала, проклиная и Дудаева, и Ельцина, а Солтмурад каменным истуканом сидел перед телевизором и старался среди огня, дыма и крови увидеть родное лицо. Электричество часто пропадало, и в такие минуты он ходил из угла в угол, словно загнанный зверь. Он уже проклинал себя за свою минутную слабость, когда отпустил сына на войну.

Но однажды Теймураз пришел в дом сам. Он стоял у порога в порванной одежде, грязный и завшивевший, но живой и невредимый. Мать клушкой кружила вокруг него, сдирая с тощего тела лохмотья и слизывая поцелуями грязь с его щек. Был он без оружия, сказал, что патронов у него не осталось, и он выбросил автомат в речку. Помывшись и переодевшись в чистую одежду, сын сидел за столом в окружении домочадцев, которые взирали на него, словно на чудо, свалившееся с неба, ел горячий, жирный суп и со слезами на глазах рассказывал о тех ужасах и издевательствах, которые творили федералы с мирными чеченцами.

Солтмурад слушал и молчал, он понимал, что сын защищал свои интересы и идеалы, с которыми он шел на войну, и для него любой противник был жестоким и неправым. Но Солтмурад знал и другое, что война – это грязь, смешанная с горем и кровью, и в ней пачкаются

одинаково обе противоборствующие стороны, что не судят только победителей, на которых этой кровавой каши не меньше.

Сейчас Солтмурада поразило другое: у его сына был потухший, почти стариковский, взгляд, будто из его глаз выжали всю радость и залили водой искры жизни. Солтмурад помнил, что точно такой же взгляд был у отца в те минуты, когда он молча смотрел в свое прошлое.

3

Скоро война на хромых ногах приковыляла и в горы. Ополченцы снова вытащили из тайников свое оружие и ждали развития событий. Над их головами все чаще с грохотом пролетали военные самолеты и вертолеты, в селе появились первые раненые, которых размещали в больнице, в школе, а то и просто по домам. А следом за ранеными появились и бородатые боевики. Шум боев приближался с каждым днем.

Однажды в село пригнали пленных юнцов и заставили их рыть окопы, траншеи и строить укрепления. Было их человек тридцать. На ночь их, изможденных и голодных, бросали в ямы и закрывали в подвалы. Кормили пленников только по утрам, кидая им несколько буханок хлеба и спуская на веревке чайник с кипятком. Все было, как на войне. Один из бородачей так и сказал:

– Пленный должен работать на того, кто его захватил, иначе – смерть.

Одного такого парнишку, попытавшегося бежать, боевики несколько раз били, отрезали ему правое ухо, а потом привязали к дереву, согнали к нему пленных, и командир сказал:

– Смотрите, засранцы, вонючие русские свиньи, то же будет с каждым из вас, если попробуете сачковать или попытаетесь бежать!

В глазах обреченного уже стояла смерть, ширинка его штанов намочила, из штанин текли тонкие струйки мочи, а когда длинная очередь взлохматила его тело, словно подушку, он не издал ни звука, а просто повис мешком на веревке, пустив изо рта тягучую слюну. И без того бледные от пережитого страха, недоедания и тяжелых работ, пленники превратились в меловые статуи, а двое упали в обморок. Один из них наделал в штаны, и один из боевиков под громкий хохот бородачей погнал его на речку подмываться. Видно, разведка федеральной армии пронюхала о сильно укрепленном селении в горах. Пастухи и жители других сел доносили, что в близлежащей местности все чаще появляются разведгруппы и через соседний перевал войска пытались подтянуть артиллерию и бронетехнику, но ополченцы устроили им сражение в стиле а-ля Москва-41, и вэдэвэшники, понеся большие потери, снова скатились по склонам к подножию гор.

Солтмурад должен был впервые участвовать в бою. Командир долго наставлял его перед сражением:

– Ты, Солтмурад, не бей всех подряд, солдаты что – пешки. Выбирай командиров, командир – это голова подразделения, а любое войско без головы – труп. Понял?

Солтмурад лишь кивал головой – чего тут не понять, только вот как определить, кто из них командир, а кто нет, спрашивать не стал – на месте разберемся. Он выбрал хорошую позицию в распадке между скалами над речушкой и долго обустроивал себе лежбище. Ждал, до слез глядя на дорогу в узком ущелье, и все равно проморгал появление врага. Там, внизу, уже застрекотали автоматные очереди, заухали гранатометы, закашлял крупнокалиберник, а он все еще никого не видел.

Но вот в его прицеле мелькнула одна фигура в камуфляже, затем вторая, третья. Кто из них был командир, а кто подчиненный, понять Солтмурад не мог. Из всех он выловил в перекрестье солдата с огромной рацией на спине, над которым, как над инопланетянином, удочкой качалась длинная антенна. Тот что-то горячо кричал в микрофон. Солтмурад тщательно, как его учили, прицелился и выстрелил. Солдат с испугом посмотрел вокруг и тут же исчез в кустах.

Так происходило много раз, и Солтмурад не был уверен, что ранил хотя бы одного врага. Откровенно говоря, он и не чувствовал особой потребности убивать, все это напоминало ему скорее стрельбу в тире, чем войну. Враг казался ему игрушечной мишенью, фантомом, призраком, в глаза которого невозможно взглянуть и увидеть в них ту притягательную искру ненависти, которая порождает силу противодействия, вливающая во все твоё существо страсть борьбы и пыл победы. Другое дело, когда ты встречаешь врага лицом к лицу и знаешь, что один из двоих должен выжить или умереть.

Однажды такое с Солтмурадом уже происходило. Как-то зимой он пошел в лес, чтобы нарубить жердей для провалившейся от тяжелого снега крыши овчарни. Внизу не нашел ничего подходящего, а когда поднялся в гору и присел отдохнуть, вдруг почувствовал себя так неуютно, что по телу пробежали мурашки. Чувство опасности развернуло его на сто восемьдесят градусов, и он прямо перед собой увидел торчащие из расщелины волчьей морды. Солтмурад знал, что обычно на охоту выходит волчица, но в паре с волком она была особенно опасна. Инстинкт самосохранения заставил его выхватить из-за пояса топор, тело его наклонилось в ожидании схватки, налилось упругостью и дрожью, готовое к отпору.

Но волки тоже пришли не по-орехи. Несколько минут звери и человек стояли друг перед другом, готовые биться насмерть. Волки с рычанием скалили желтые зубы, вздыбив загривки, а глаза их метали искры решимости и готовности к сражению до тех пор, пока их голодные желудки не обожжет тепло человеческой крови и свежего, еще живого мяса. Звери уже несколько дней охотились в горах и около селений, пытаясь раздобыть еду, но недавно выпавший глубокий снег и снежные лавины завалили все тропы, перевалы и ущелья.

Солтмурад тоже был голоден, но, в отличие от зверей, он был человеком и защищал свою жизнь, от которой зависели жизни его родных, потому что был единственным их кормильцем и защитником. Видно, и звери почувствовали его решимость биться до конца и после долгих минут противостояния и повинувшись инстинкту самосохранения, первыми сделали шаг назад и скрылись во впадине, где ворчала сонная горная речушка. А Солтмурад шел домой, постоянно оглядываясь, всей кожей ощущая их лютейший невидимый взгляд.

Не прорвавшись сквозь плотный огонь боевиков и потеряв много боевой техники, федералы ушли. Вернувшись домой, Солтмурад отогрелся у печи, поел и лег спать. Но отдохнуть ему так и не дали, часа через два к нему пришел сосед и, растолкав его, сказал, что командир приказал им заступить на пост у въездной дороги в ущелье, потому что, по слухам, на рассвете русские могут попытаться ворваться в их село. Немного поворчав и захватив с собой термос с горячим чаем, Солтмурад послушно собрался.

То, что произошло потом, Солтмурад будет помнить до самых последних дней своей жизни. Когда усталые и промерзшие до костей ополченцы уже собирались домой, из-за южного гребня гор вдруг выпорхнула стая зеленых бабочек. Сосед показал пальцем в небо:

– Ну-ка, погляди, Солтмурад, что это там?

Через прицел винтовки Солтмурад поглядел в небо и сквозь утреннюю снежную дымку разглядел четыре вертолета, которые летели прямо на их селение. Вот два из них свернули в сторону и стали кружиться на одном месте, а два других стали постепенно снижаться.

– Бежим, Ахмед! – закричал Солтмурад, таща напарника за рукав. – Сейчас стрелять начнут!

Они ужами скользнули между деревьев и спрятались за камнями, метрах в тридцати от своей ночной лежки. Вертолеты пронеслись над их головами так низко и с таким воем, что они не расслышали стука крупнокалиберного пулемета. По тому месту, где они только что были, словно пробежал гигантский невидимый зверь, оставив цепочку снежно-земляных воронок. Сама лежка была разворочена. Ахмед посмотрел туда и, присвистнув, протянул:

– Вот это да! Видно, нас с тобой сам Аллах бережет. Если бы мы с тобой там остались, то все...

Когда шелест крыльев бронированных стрекоз стих, из селения донеслись выстрелы. Ахмед вскочил на ноги и закричал, потрясая кулаками:

– Ах, шайтан, зачем стреляют! Молчать надо!

– Почему? – спросил Солтмурад.

Ахмед стучал в свою грудь и кричал:

– Я в армии служил, в разведроте, я знаю. Молчать надо. Это они разведку и корректировку проводят. Видишь. – Он показал на два висящих вдалеке вертолета. – Они сейчас определяют, откуда стреляют. Безмозглые бараны! Ой, Алла! – снова закричал Ахмед. – Суй свою голову подальше, чтобы ее не разбили, как яйцо!

Вертолеты снова стали заходить на село. Вот от их брюшин отделились клубки дымков, которые стометровыми руками потянулись к земле. А потом еще и еще раз. И тут же в селении заухали взрывы, заставив задрожать скалы. Со склонов потекли снежные языки, зализывая неровности, морозный воздух смешался с дымом и какой-то тошнотворной смесью.

Переждав обстрел, Солтмурад и Ахмед побежали в село, над которым тут и там стояли столбы дыма. Еще издали они увидели, что по улицам мечутся, словно сумасшедшие, люди. Они бегали из дома в дом, из домов на улицу, что-то кричали друг другу и, казалось, что это не люди, а потревоженные муравьи. Вот в больницу пронесли раненого. У небольшой, приземистой мечети прямо на снегу лежали двое убитых. Вокруг них стояла злая толпа, а по земле, извиваясь и посылая кому-то проклятия, в муках ползали женщины и рвали на себе волосы. Мужчины тоже ругались, а старики молчали, мудро глядя на земное соприкосновение жизни и смерти.

Постоял здесь и Солтмурад. Он хорошо знал убитых. От одного из них, молодого, он в свое время натерпелся, когда тот украл у него двух баранов и продал в райцентре на заклание. В суд Солтмурад на него не подавал, но старейшинам сказал, и те присудили его к двадцати палкам. Второй тоже был, прости Аллах, прощельга еще тот. Три раза он занимал у Солтмурада деньги, но долг так и не вернул.

Но сейчас, стоя над их телами, Солтмурад почему-то не думал о плохом, а вспомнил, как один из этих юношей притащил в его дом мокрого щенка, который чуть не утонул в речке, и как бы извиняясь, сказал: «Возьми, дядя Солтмурад, он будет стеречь твоих овец». А второй, когда сам Солтмурад однажды сильно заболел, отвез его на своей машине в районную больницу, а через три недели привез обратно.

От этих дум его оторвал неизвестно откуда появившийся командир ополчения:

– Мне надо с тобой поговорить, Солтмурад. Пойдем

– Куда?

– А к тебе домой.

– Ну, пойдем, – с легкостью согласился Солтмурад. Он даже не подумал, о чем хочет говорить с ним командир и почему это надо делать в его доме. Не замечал он и странных, прячущихся взглядов своих односельчан, которые провожали их до самого поворота. Позади них шли еще двое боевиков. Командир сказал:

– Солтмурад, отдай свою винтовку моему телохранителю, ты, наверно, устал.

– Нет, я не устал, что я, маленький что ли? – обиделся Солтмурад.

– Отдай, отдай, – настоял командир. Он почти силой отобрал винтовку и отдал шедшему позади них ополченцу. И даже тогда Солтмурад не почувствовал тревоги.

Впервые от плохого предчувствия его сердце дрогнуло, когда он увидел полуразрушенное здание бывшего клуба, за которым находился его дом. Он не подал вида, что его что-то встревожило, только вдруг почувствовал в ногах предательскую слабость.

Но что это? Там, где он привык видеть свой дом с высоким забором и узорчатыми воротами, с красной железной крышей, с садом и двумя скворечниками, которые он смастерил своими руками на радость детям, высилась лишь груда развалин. Она еще дымилась, а вокруг

стояли искореженные яблони, груши, черешни, абрикосы с висящим на их ветках урожаем из окровавленных тряпок и человеческой плоти.

Видно, еще не осознав всего случившегося, Солтмурад кружился на одном месте и спрашивал окруживших его людей:

– А где мои? Их кто-нибудь видел? Может, они у соседей?

Он бегал от одного человека к другому, которые упорно прятали от него свои глаза, и спрашивал:

– Скажи, Руслан, наверно, они прячутся у тебя, да? Я ведь знаю, что моя Айшат всегда любила поболтать с твоей Фатимой. А, может быть, они у тебя, Саня, ведь ты так любила угощать моих детей своими вкусными лепешками?

Солтмурад еще долго расспрашивал о своих родных, а потом вдруг остановился, внимательно оглядел обступивших его односельчан и, страшно зарычав, словно раненный охотником медведь, упал на колени и стал биться головой об землю. А люди молча смотрели на него и лишь вздыхали – ну кто может помочь человеку в его горе, кроме его самого. Осторожный и опытный командир увидел выпавшую из-за пазухи Солтмурада гранату, поднял ее и передал телохранителю:

– Спрячь пока и ему не давай.

Солтмурад не плакал – слез на его глазах не было, он, как настоящий горец, плакал сердцем. Он неожиданно вскочил на ноги, бросился к командиру и схватил автомат, висящий на его шее.

– Дай, командир, дай мне автомат, я их буду убивать, убивать, убивать! Я буду их резать на части, я буду этим русским собакам рвать глотки! Ну, дай, дай!

Двое здоровенных телохранителей еле сдерживали Солтмурада, схватив его за руки. Наконец, перегорев от сжигающего его чувства мщения, Солтмурад обмяк в их руках, снова упал на колени и завыл, подняв лицо к небу:

– Айшат!!! Дети мои!!! Клянусь именем Аллаха, я отомщу за вас!

Тела погибших и то, что от них осталось, откапывали до самого вечера, а потом отнесли на родовое кладбище и похоронили, когда ущербная луна уже скалила свою пасть, будто насмехаясь над мелкими человеческими страданиями и страстями.

Уже потом очевидцы рассказывали, что ракета влетела в подвал его дома через окно и там взорвалась. Все его родные прятались как раз там. Дом приподняло в воздух, словно мячик, и разрушило в одно мгновение, так что его родные – да успокоит Аллах их души! – приняли благословенную и быструю смерть.

В ночь после похорон Солтмурад пошел на то место, где когда-то стояла их старая сакля. Он стоял на высокой скале у груды камней, в далеком прошлом служившими их семье жилищем, и вспоминал свое нелегкое детство, смерть матери, отца, жены, детей, и в нем поднималось звериное чувство мщения.

Освещенные ясной луной белые гряды гор, спокойствие ночи и безразличный оскал месяца – все это навевало на него чувство великого одиночества и безысходности. Где-то там, далеко-далеко, словно на другой планете, вспыхивали всполохи от взрывов, крестили черное небо разноцветные трассеры да взмывали вверх осветительные ракеты, словно соревнуясь в яркости с луной. Они напоминали Солтмураду, что где-то еще живут люди, и у них есть родные, которые работают, учатся, веселятся далеко от войны и не знают горя и страданий. И только у него не осталось на этом свете никого и ничего, кроме этих прекрасных и суровых гор, родового селения и неистребимой жажды мщения. И словно кто мог его услышать, Солтмурад вслух сказал:

– Клянусь, я буду уничтожать этих неверных, пока в жилах моих течет кровь, пока в моем теле будет оставаться хоть капля жизни! И пусть эти горы и Аллах будут свидетелями моей клятвы!

4

...Раздумья Солтмурада прервал вбежавший в подвал ополченец, который закричал:

– Командир, русские пошли в наступление, сядят из минометов и пушек, а на окраине появились танки! Что делать будем?

– Иди, – устало сказал Солтмурад, – я сейчас буду.

Со дня гибели своих родных Солтмурад сильно изменился. Обычно сдержанный, рассудительный, осторожный и даже мягкий, он превратился в безжалостного, хитрого и коварного врага федеральных войск. Все ополченцы отряда удивлялись, когда же он спит – Солтмурад охотился за человеческой дичью днем и ночью, в любую погоду. Так охотится волчица, у которой охотники отобрали щенков.

Первого своего «крестника», как называл Солтмурад своих жертв по кресту на прицеле, он подстерег уже на следующий день после похорон своей семьи. Сначала он пошел к командиру ополченцев и попросил вернуть ему винтовку. Командир пытливо взглянул в его глаза и спросил:

– Как ты, Солтмурад?

– Я в порядке, теперь у меня есть цель в жизни.

Слово «цель» он произнес так, что не оставалось сомнений, какие цели он имеет в виду.

– Винтовку я тебе отдам, Солтмурад, – ответил командир, – но только прошу – береги себя, ведь у тебя есть еще и сын.

Солтмурад и не забывал о сыне, но тот сейчас был где-то далеко, на пылающих просторах Чечни. После своего прихода домой сын не мог усидеть под родительскими крылышками и недели. Все эти дни он ходил хмурый и задумчивый, словно решал теорему Ферма, а потом собрался за один час, и уже не отпрашивался у родителей, а просто сказал:

– Отец, мама, я не могу больше сидеть дома...

Позиции, где стояли федералы, сверху были видны, как вши на белой скатерти. У палаток и дощатых строений букашками ползали «броня» и автомашины, солдатики постоянно куда-то бегали и что-то разгружали. Отдельно, под навесом, стояли две полевые кухни и палатка с красным крестом. В наспех вырытых окопах по периметру лагеря сидели несколько групп охраны. Занимались они больше тем, что курили, слушали музыку по плееру, чему-то постоянно смеялись и играли в карты. Солтмурад заметил, что ствол одного крупнокалиберника направлен в его сторону, чуть правее стоял автоматический гранатомет. Это было серьезное оружие, и Солтмурад забился в щель между двух глыб и стал выжидать.

Вот один из солдат охраны, оглядываясь, подбежал к ближайшим кустам, быстро спустил брюки и сел. Видно, ему не хотелось бежать на другой конец лагеря, где стояла будка, заменяющая сортир. В прицеле Солтмурад четко видел оголенную розовую задницу, но ему почему-то стыдно было стрелять в молодого пацана, справляющего свою нужду.

Прошло более часа, прежде чем Солтмурад дождался подходящего момента. К тому времени у него уже затекли ноги и заболели глаза от искрящегося снега, и он надел черные очки. Вот к окопам вразвалочку, словно утята за мамашей, потянулась цепочка военных. «Видно, смена», – подумал Солтмурад. Он угадал вовремя: низкое солнце, слепившее ему глаза, как раз заслонила тучка, нечаянно появившаяся на небе. Солтмурад припал к окуляру, и сердце его радостно вздрогнуло – в прицеле он увидел офицера. В отличие от солдат, на которых была замызганная от грязи, порванная одежда, на офицере был новенький, ярко-зеленый камуфляж, резко выделяющийся на снежном фоне. Офицер был строг, самоуверен и властен. Вот он что-то сказал, и на его холеной открытой шее запрыгал острый кадык. Лицо, порозовевшее от легкого морозца и от усердия, повернулось к Солтмураду. Видно, он любовался дивным горным пейзажем, когда снайпер тщательно прицелился и спустил курок. Офицер крутнулся волчком и упал.

Солдаты с недоумением вертели головами, пытаясь что-то сообразить. И лишь когда до них долетело отраженное от скал эхо выстрела, они бросились в окопы и прижались к спасительной земле, словно к родной матери. Но в ответ стрелять не стали. «Боятся без приказа», – догадался Солтмурад. Убедившись, что офицер мертв, он снялся с места и стал уходить, на ходу разминая затекшие конечности. Все тело колело, словно иглами, ноги не слушались, но Солтмурад углублялся все дальше в лес, понимая, что промедление может стоить ему жизни. Наконец послышались первые выстрелы, палили из пулемета и гранатомета, но свист пуль и взрывы раздавались далеко от того места, где он сейчас находился. В какой-то момент над головой Солтмурада сбрило ветку, и он залег. Но скоро убедился, что пуля была случайной.

Солтмурад не ставил на прикладе винтовки зарубки в виде полумесяца, как это делали другие, чтобы потом похвастаться своими победами. Он ставил эти зарубки на своем сердце, отмечая каждый раз, что от них почему-то не становится легче. Не замечал он и времени, летящего, будто орел над горами, – плавно и спокойно, да и зачем его замечать, если оно для тебя уже давно остановилось. И лишь от зарубки к зарубке он замечал, что в черной его бороде все больше становится серебряных седин.

Но вместе с сединами Солтмурад набирался и боевого опыта, и не только снайперского. Приходилось ему ходить и в атаку, и отходить, и выползть из окружения, когда, казалось, уже не было никакого выхода. Однажды миной от полкового миномета на куски разорвало первого командира их ополченческого отряда. Его место занял заместитель, а Солтмураду доверили под командование 28 человек, если по армейским, уставным стандартам – взвод.

Ум Солтмурада, куда в детстве втиснули знания лишь четырех классов не самой лучшей школы, впитывал все военные премудрости, как губка впитывает воду. И уже через год к нему стали обращаться за советами и опытные вояки. Солтмурад давал эти советы, не спеша, не кичась, только после долгих раздумий и размышлений, как и подобает вдумчивому, серьезному человеку.

5

Задерганная политиками, измученная бесплодными боями, наступлениями и отступлениями по первому окрику полководцев, затурканная взбесновавшейся общественностью и правозащитниками, которым было все равно, кого защищать, лишь бы показать себя во всей красе и непримиримости, российская армия оказалась в полной блокаде. У нее уже не было ни моральных, ни физических сил, чтобы продолжать войну. И тут на белом коне, в белой сорочке с белыми манжетами, в белых перчатках появился белый генерал, который на глазах у всего мира в Хасавюрте подписал договор о полной победе противника.

Враг федеральной власти ликовал. Да и как не ликовать, когда маленький горский народ в неравной борьбе одолел прежде великую Россию. Ликовал вместе со всеми и Солтмурад – наконец-то закончится эта проклятая война, которая, кроме слез, крови, горя и разорения, ничего не принесла. А ему так хотелось домой, в свое горное село, чтобы вдохнуть не пороховую гарь, а чистый воздух, есть не опротивевшую тушенку и черствый хлеб, а домашнюю пищу и свежую лепешку, пасти не очередную жертву врага, а овец, коз и коров. Ведь он не воин, а крестьянин. Его измученная и истерзанная душа жаждала мира, покоя и сытости. Раны на сердце совсем зарубцевались, а когда он встретил в освобожденном Грозном своего сына, оно и вовсе обмякло. Сын был той единственной ниточкой, которая еще связывала Солтмурада с этим миром.

Нашел он его в масхадовской гвардии. За эти полтора года Теймураз вытянулся, окреп, возмужал, и уже мало чем напоминал того желторотого цыпленка, который со слезами прибежал домой. Жесткость во взгляде, короткая черная щетина на лице, пригнанная по фигуре, словно вторая кожа, военная форма – все говорило о том, что он храбрый, бывалый и бесстрашный воин.

Они обнялись и отошли подальше от стадиона, на котором проходил очередной митинг. Сели в тени акаций. Сын закурил. Солтмурад нахмурил брови:

– Зачем травить себя этой гадостью, сынок, поверь мне – жизнь и так коротка.

Теймураз виновато взглянул отца и потушил окурок. По опыту других Солтмурад знал, что сын курить уже не бросит, но ему было приятно, что тот послушался отца и не стал ему перечить.

– Ты знаешь? – спросил Солтмурад.

– Да, отец.

И оба они знали, о чем говорят, ведь родным сердцам не нужны лишние слова.

– Мне рассказал наш сосед, Хасан, – уточнил сын.

– Война закончилась. Куда теперь?

Теймураз усмехнулся:

– Ты стал полковником, отец, а говоришь, как несмышленный ребенок. Разве война так заканчивается?

Солтмурад это тоже понимал и не обиделся на правду и грубые слова, а еще раз порадовался тому, что сын его так смышлен. А Теймураз продолжал:

– В село я не вернусь, отец. Я ничего делать не умею, только воевать. Ведь кому-то надо держать в руках не только кнут и косу.

– Сейчас таких слишком много, – возразил Солтмурад. – Ну ладно. Ты уже взрослый и сам выбрал себе дорогу. Только об одном прошу – не забывай родину предков. Приезжай строить новый дом. Если у тебя не будет своего дома, ты всегда найдешь теплое пристанище.

Война кого-то разоряла, а кого-то обогащала. Ичкерийское правительство не жалело денег, и за каждого убитого врага платила в долларах. И теперь у Солтмурада накопилась приличная сумма денег. Он не считал себя богатым, зная, на чем и сколько зарабатывали другие, которые не столько воевали, сколько охотились за пленными и заложниками, а потом продавали их родственникам за баснословные деньги. Их Солтмурад презирал. Как говорят русские, даже ворон ворону глаз не выклюет, а торговать людьми, в глазах Солтмурада, было одним и тем же, что продавать самого себя шайтану. Еще он презирал их за то, что они позорили всех чеченов. Работоторговлей занимались немногие, в основном, бывшие зеки и нелюди, которых даже среди своих называли шакалами и отморозками, и которые за деньги или дозу героина могли продать и свою собственную мать. Среди них были не только чечены, но и русские, ингуши, черкесы, кабардинцы. И им было наплевать на высокие слова и понятия, для них главными были деньги, деньги и еще раз деньги.

С помощью родственников и соседей Солтмурад за одно лето построил большой кирпичный дом. Только поставил его не на старом месте, где все напоминало ему о смерти родных, и которое он считал их могилой, а там, где когда-то стояла их старая сакля. Правда, дом оказался немного в стороне от селения, но здесь сердце и душа Солтмурада отдыхали. А какой отсюда был вид!

Зелено-изумрудное махровье лесов пологом укутывало склоны гор, словно прятало их от беспощадного солнца, ливневых дождей и суровых кавказских морозов; красновато-коричневые шапки гор напоминали головы богатырей, задумавшихся о чем-то о своем, былинном; в темной теснине ущелья бежала торопливая речка, и когда Солтмурад долго на нее смотрел, ему казалось, что он стоит на борту огромного океанского лайнера, который несет его в неизвестные, прекрасные страны; там, внизу, парили легкие облака и горные орлы, выслеживающую свою добычу. Так было в детстве, так было сейчас, так будет всегда!

Теймурад несколько раз приезжал к отцу, чтобы помочь в строительстве дома, но каждый раз долго не задерживался. Ему все время было некогда, потому что стал в столице большим начальником. Как-то перед отъездом Солтмурад сказал ему:

– Ты, сынок, становишься большим человеком, а большой человек всегда на виду. Остерегайся стать выше тех, кому ты служишь. Такого не прощают даже лучшим друзьям и кровным родственникам. Я смотрю, что ты не расстаешься со своим оружием. Скажи, чем ты занимаешься? Ведь автоматом можно защищать и можно убивать.

Теймураз смутился и ответил, что работает в охране Масхадова. Разве мог он честно признаться отцу, что он уже давно сидит на игле, что таких, как он, уже не принадлежащих самим себе, заставляют заниматься похищениями известных людей, держать их в подземных тюрьмах, как рабов, а начальники продают пленников, словно баранов. Однажды он даже хотел уйти из гвардии, но ему тут же напомнили, что он давал клятву на Коране и однажды написал расписку о том, что обязуется молчать обо всем, что происходит в президентских кругах. Он помнил свою подпись под документом, и она держала его крепче железных цепей, ведь в случае нарушения клятвы его ждал шариатский суд. А что это такое, Теймураз видел собственными глазами, когда человека расстреливали только за то, что он не хотел молиться или защищал честь своей сестры, изнасилованной каким-то подонком.

Так прошли еще два относительно спокойных года. Солтмурад как и в былые годы занимался своим хозяйством, в котором он находил отдохновение и спасение от всего происходящего в Чечне. Он не обращал внимания на косые взгляды и пускаемые ему вслед насмешки и колкости молодежи, которая считала недостойным мужчины заниматься чем-то иным, кроме убийства неверных, грабежей и продажи пленников. С высоты своих лет Солтмурад с мудрым спокойствием глядел на молодых, которые приходили к нему и просили продать молодого барашка, хотя так хотелось спросить их, почему вместо баранины они не едят свои доллары, заработанные на страдании и крови.

В Чечне становилось все тревожнее. Во всех селениях и городах появились арабы и ваххабиты, которые ходили по мечетям и дворам, раздавали религиозную литературу на русском и арабском языках и объясняли правоверным, что их вера не есть истинно мусульманская, что за долгие века общения с неверными они отступили от законов шариата. Чечены не понимали, какая разница была между их верой, которую столетиями чтит и исповедовали их предки, и, так называемой, истинной верой, которую им навязывали незваные пришельцы с Ближнего Востока: тот же Коран, те же суры. Но вот трактовали слова пророка Магомета ваххабиты по-своему, и главный упор их идеологии строился на превосходстве их религии над другими религиями и беспощадном уничтожении неверных.

Сначала школы, мечети заполнили ваххабиты, а следом за ними появились вооруженные до зубов наемники со всего света: из арабских стран, недобитки из Закавказья, украинские националисты и даже русские вольные стрелки. Их предводитель, беспальный борз Хаттаб, все больше чувствовал себя хозяином на чеченской земле: он казнил, миловал, награждал, а Масхадовское правительство Ичкерии все больше походило на марионетку.

Как и каждый, повидавший многое в жизни, человек, Солтмурад чувствовал, что скоро что-то должно произойти. Все ждали этих событий, но их развязка наступила, как всегда, неожиданно, как сход с гор снежных лавин. И скоро все заговорили о событиях в горном Дагестане, в селах Кара-Махи и Чабан-Махи.

В первые дни в Чечне было спокойно, но когда в Дагестане заговорили пушки, грохот их разрывов с каждым днем все красноречивее говорил, что недолгому миру приходит конец.

6

Капитан медслужбы десантного полка Меркулов уже третьи сутки не отходил от операционного стола. Именно столько уже длились кровопролитные бои за большой поселок, куда вошла крупная группа боевиков. В полевой медбат практически каждый час привозили раненых. Здесь же их и сортировали: одних на ходу перевязывали и увозили в стационары, тяжелых грузили на «вертушки», переправляя в окружной госпиталь, третьих несли на операционный

стол, четвертых, не доживших до спасительной помощи, после формальностей упаковывали в цинковые гробы и оформляли как груз 200.

Хирургов было двое, но второй, совсем молодой парень, недавно закончивший ординатуру и которого недавно прислали на помощь Меркулову, уже через несколько часов свалился без сознания, даже не закончив операцию. Медсестры быстро отходили горе-хирурга, но у того после случившегося постоянно тряслись руки, и он не годился даже для того, чтобы делать перевязки.

Меркулов отдыхал только ночью, часа три-четыре, когда затихали дневные бои. Но и в эти короткие часы отдыха ему часто не спалось, потому что воочию ощутил здесь, что это значит, когда стоят «мальчики кровавые в глазах». На удивление, этих коротких часов ему хватало, чтобы целый день чувствовать себя достаточно бодрым, хотя на гражданке при восьмичасовом сне он ходил на работу с вечной зевотой бегемота.

Но сегодня доспать ему не дали – с самого раннего утра селение начали бомбить вертолеты, и взрывы сотрясали землю, словно при землетрясении. Говорили, что в селение зашел большой отряд известного полевого командира, о котором рассказывали на полковой кухне самые разные истории. Что будто бы он воевал еще в первую чеченскую кампанию, в которой погибла вся его семья, что он был отличным снайпером и лично убил более пятидесяти наших ребят, что он поклялся на Коране мстить федералам за своих убитых родственников до последней минуты своей жизни. В газетах писали, что он безжалостно расстреливал пленников и отрезал головы заложникам, не беря никаких денег, которые ему предлагали в качестве выкупа, что рядом с ним постоянно находилась его молодая жена, которая не желала оставлять мужа ни на минуту.

Что здесь было правдой, а что ложью, никто не знал, но историю смаковали, как только что прочитанный новый бестселлер. Вот и Меркулов размышлял сейчас о невероятных переплетениях человеческих судеб, когда в палатку ворвался вестовой и почти прокричал:

– Товарищ капитан, товарищ капитан, вставайте скорее, вас срочно вызывают в операционную.

Меркулов высунул голову из-под одеяла, недовольно проворчал:

– Ну что орешь, не сплю я. Что там еще случилось – президента что ли привезли?

– Никак нет, товарищ капитан, раненого сержанта. Он...

Меркулов встал, зевнул, прислушался – бомбить перестали, лишь доносились пулеметные очереди, словно где-то недалеко маленький ребенок водил палкой по забору, изображая трещотку.

– Я сколько раз говорил тебе, чтобы ты звал меня Виталием Сергеевичем, – сказал он солдату.

– Так точно, Виталий Сергеич, – вытянулся в струнку солдат.

– Тьфу ты, – выругался Меркулов, – выдрессировали вас, как... Ну, откуда раненый-то?

– Из разведки принесли, – коротко пояснил посыльный.

Меркулов уже плескался под рукомойником, сделанный умелыми солдатскими руками из двухлитровой пластиковой бутылки.

– Ну, беги, скажи, чтобы готовились к операции.

– Так, това...!

– Я что сказал! – закричал Меркулов. – Бегом, марш!

Выйдя из палаты, он еще издали заметил большое скопление народа. Навстречу ему уже бежала медсестра Леночка и, всплескивая на ходу руками, охала:

– Ох, Виталий Сергеич, что делать-то будем! – Из ее коровьих глаз лились слезы. – Такой молодой, красивый солдатик! Боже мой!

Меркулов отодвинул ее в сторону, зная, что в таком состоянии от нее вряд ли дождешься толкового объяснения. Он уже давно знал, что для Леночки все солдатики были красивыми

и ласковыми, и ее милосердия хватало на всех. На носилках, лежащих на земле, он увидел солдата, накрытого тремя бронежилетами. На первый взгляд парень казался здоровым и цветущим, и он просто прилег отдохнуть. Его серые глаза вращались, как датчики самонаводящейся ракетной боеголовки, и на лице его, кроме бледности, не отражалось никакой боли.

– Ну, что с ним? – тихо спросил он стоящего рядом командира разведвзвода. – Понос? И для чего на него навалили такую тяжесть?

– Тут такие дела, кэп, – замялся старлей, – даже и не знаю, как сказать. Вобщем, граната в него попала.

– Ну и...? – поторопил его Меркулов.

– Ну и не взорвалась, милая. Торчит вот тут. – Разведчик ткнул пальцем в свое бедро.

– И сколько же времени прошло?

– Четыре часа его несли.

– Он что же и сознания не терял?

– Так мы ему уже два промедола всунули. Молоток парень, за всю дорогу даже не пискнул. Я кричу своим охломонам – осторожнее несите, а он только улыбается и говорит: «Ничего, командир, я выдержу». Вобщем, кувалда-парень.

Меркулов вздохнул:

– Да уж! Ты лучше скажи – паровой молот! Это просто чудо, что он не взорвался по дороге.

Собралось высокое начальство. Совещались недолго. Комполка посмотрел в глаза Меркулову:

– Вот что, капитан, приказать я тебе не вправе, сам понимаешь. Везти бедолагу тоже опасно. Могу вызвать из округа...

– Не надо давить на психику, товарищ полковник, я же понимаю, что один, что другой – все равно придется рисковать. Не взрывать же парня. Только мне в помощь нужен сапер, опытный сапер. И бронежилет. Своего у меня нет. Ну а руки... – Он повертел перед своими глазами руками. – А на руки бронеперчатки еще не придумали. Рискнем.

Бойца прямо на носилках уложили на операционный стол. Анастезиолог усыпил парня, а Леночка приготовилась ассистировать. Меркулов строго посмотрел на окруживших его помощников, смахивающих со своих лиц пот, и крикнул:

– А ну, вон отсюда! Все! И подальше!

Когда из палатки всех словно дуло ветром, он взглянул на прапорщика-сапера и, увидев его спокойное лицо, вздохнул:

– Ну, начнем что ли, коллега.

Тот лишь усмехнулся в ответ, осторожно сдвинул бронежилет, открыв рану. Головка гранаты торчала из плоти, напоминая белый глаз. Меркулов взял в руки скальпель.

– Ты верующий, прапорщик? – спросил он.

– А что?

– Да что-то помолиться хочется.

– Ну, так молись, это работе не помеха, – прогудел сапер густым басом.

Меркулов отметил, как сапер назвал свое опасное дело работой, и сразу его зауважал. Разрез. Тампон. Еще разрез. Еще тампон. В одно мгновение ему показалось, что граната шевельнулась, и Меркулов почувствовал, как по его телу заструился холодный пот. Он смахнул его с лица. Разрез. Тампон. Сапер молча смотрел на его работу, а потом сделал маску гамадрилы и решительно отодвинул Меркулова.

– Ну, все, Пирогов. Теперь моя работа.

Сапер накрыл рану бронежилетом, подsunул под него левую руку в медицинской перчатке и долго и осторожно начал что-то там делать. Меркулов с мстительным удовлетворением

отметил, что и у прапора нервы не железные. Сначала лицо его покраснело, а потом покрылось крупными каплями влаги. Меркулов обтер ему лицо салфеткой.

– Не поддается, сволочь, – процедил сквозь зубы «коллега». – Но шеволятся.

Зато Меркулов почувствовал, как на его голове «шеволятся» волосы. Вот сапер просунул под бронежилет вторую руку и дернулся всем телом. Внутри что-то чавкнуло, и на лице сапера нарисовалась кривоватая улыбка.

– Родненькая ты моя, – прошептал он, – наконец-то я тебя обнял. Ах ты, дорогуша!

Он поднял руки вместе с бреником и осторожно понес свой «дорогой» груз к выходу. Меркулов предупредительно распахнул полог палатки. Сапер отошел подальше от лагеря, огляделся вокруг, выпустил гранату из рук в пропасть и упал. Через несколько секунд прогремел взрыв.

Разминированного раненого уже грузили в «вертушку», когда к врачам-саперам подошел полковник и потрепал обоих по плечу.

– Молодцы, ребята! Обязательно напишу представление к награде. Это надо же, первый раз слышу, чтобы человека разминировали! – И побежал к бронетранспортеру, на котором приехал.

Меркулов и сапер сели покурить на ящики из-под патронов. Хирург посмотрел на своего ассистента, спросил:

– Как ты думаешь, браток, правда, к награде представят?

– Забудет, – коротко ответил сапер, отбросив сигарету. – Да и не за награды же мы воюем. Так ведь?

– Это уж точно.

Для Меркулова лучшей наградой было то, что вот этот простой мужичок записал его в свое воинское братство, сказав «мы воюем». Приятно, конечно, получить орден или, на худой конец, медальку, чтобы покрасоваться, похвастаться перед родными и друзьями. Но в наше время одной наградой семью не накормишь.

Вот его покойный дед рассказывал, что при царе каждый солдат за Георгия получал хорошие деньги и землю, а за полный бант чины и дворянство жаловали. И жил защитник земли Русской на зависть другим односельчанам. А если, не дай Бог, калекой становился и он был единственным кормильцем, так всю семью государство на пансион брало. А сейчас самая высшая награда солдату – не умереть, а если погиб – вот тебе три залпа над могилой.

7

Жил Меркулов в большом волжском городе, там же закончил медицинский институт и прошел ординатуру. Молодого хирурга заметил профессор из военного окружного госпиталя, позвал к себе на работу. Виталий долго кочевряжился, уж больно не любил он подневольный, подприказной распорядок жизни, каковой он считал службу в силовых ведомствах. Сам профессор, генерал-майор по званию, стал выкладывать на стол свои козыри: звание, надбавка за звездочки, бесплатное обмундирование, паек, льготы, и при этом не надо мотаться по гарнизонам. Квартира? Со временем будет и квартира.

Меркулов на приманку клюнул, в чем ему помогла и его жена Людка, которая так хотела стать офицершей. Жили они в малосемейке площадью десять кв. м. с туалетом под кроватью, душем с потолка, пахнущим сточной канализацией, и кухней, которая умещалась на старой тумбочке вместе с электроплиткой и кухонным «гарнитуром», сколоченным из досок соседом-умельцем.

В городской больнице, где прежде работал Меркулов, платили такие крохи и так редко, что он забыл запах денег. Иногда выручали друзья, посылавшие к нему на «пластику» ожиревших, молодящихся дам, которым во что бы то ни стало необходимо было приподнять обвислую грудь, согнать с лица и шеи дряблость или убрать вислую задницу. За возвращение молодости

дамы денег не жалели, но это было так редко и непостоянно, что эти дары почти не оказывали никакого влияния на семейный бюджет.

Жилье Меркуловы меняли часто, наездили так, что впору было писать роман «Крыша», который, будь он написан, получил бы Нобелевскую премию. Выручили их его и Людкины родители, которые, насмотревшись на мытарства своих детей, общими усилиями наскребли в своих сусеках денежный колобок на покупку малосемейки. На новоселье родители сказали, что этот «помогон» в десять квадратов и есть их стартовая площадка, с которой их семейная ракета должна вывести счастливую семью в сказочный космос жизни.

Меркуловы понимали, что даже за этот чулан они по гроб жизни обязаны своим старикам. Родители Людмилы жили здесь же, в городе, работали: он – на заводе, она – в пекарне, а оно, их четырнадцатилетнее чадо, сосало из них кровь, деньги и покой. А Людкин брат был большой мастер потрепать нервы, в свои годы он уже три раза попадал в милицию, откуда его вызволяли с помощью откупных. Да и жизненные запросы чада оказались не по годам большими: жвачкой он не довольствовался, ему нужен был «прикид», а не просто одежда, «зелень», а не какой-то деревянный рубль, музыкальный центр, а не замызганный магнитофон.

Меркуловы-старшие жили в деревне, в восьмидесяти километрах от областного центра, держали скотину, лелеяли свои двадцать соток и иногда подкидывали молодым мясца, овощей и фруктов, хотя поднимали еще троих. Это было все, чем они могли помочь сыну с невесткой и единственному внучку.

Сынок по имени Степан, чудо четырех лет от роду, был единственной отрадой в жизни Меркуловых. Не по годам смысленный Степашка вносил в их однообразное существование цементирующую силу семьи, уют, тепло, доброту, нежность и надежду.

Меркулов работал уже в госпитале, когда на Кавказе снова стали погромыхивать военные громы. Еще мудрый Чехов писал, что если на стене висит ружье, оно обязательно когда-то выстрелит. А когда в руках находятся десятки тысяч автоматов и пулеметов, даже холодным оно начинает жечь руки и распалать воображение предстоящими победами. Чеченские боевики и международный сброд, нашедший теплый приют на Кавказе, начали священный поход на Дагестан: если Россию не отгрызли, так хоть прикаспийский краешек от нее отхватим. А горы здесь – наша вотчина, пусть попробуют сунуться сюда русские!

Пороховая гарь заволокла всю Россию. Взрывы в Буйнакске, Москве и Волгодонске посеяли панику и страх, а властей заставили задуматься, какого же зверя взлелеяли они собственными руками.

Запахло порохом и кровью и в госпитале, где работал Меркулов. Скоро сюда прибыла первая партия раненых из Чечни и Дагестана. Виталию за свою операционную практику многое пришлось повидать, но такого видеть ему еще не приходилось: лохматые культы, перемешанные с землей внутренности, осколки в голове, потусторонние взгляды солдат, которые вздрагивали при каждом нечаянном стуке.

В операционной Меркулову приходилось проводить по восемнадцать-двадцать часов в сутки, но он не жаловался. Что толку ныть, если сейчас по всей стране госпиталя и больницы заполнены ранеными и больными. Легкораненые солдатики отходили от войны обычно быстро, уже через несколько дней они начинали ходить по палатам и искать землячков, успокаивали в письмах родных, заигрывали с молодыми сестричками, а порой и шалили. Тяжелее было с теми, кто остался без рук, без ног, без глаза или без метра кишок. В их глазах еще отсвечивались взрывы бомб, смертельные всполохи кинжального огня и такая беспросветность, что психологи не знали, как к ним подступиться и успокаивали себя только тем, что все-таки лучший лекарь – это время.

Медперсонал госпиталя особенно внимательно отнесся к судьбе молодого парнишки, который после тяжелого ранения потерял память. Он не помнил ни себя, ни родных, ни города или села, где родился и вырос. Война благодарно стерла из его памяти все ужасы, которые

он пережил, а вдобавок и все остальное. Но нейрохирурги утверждали, что это для раненого благо, ибо организм включил свой защитный механизм, и со временем память к нему может вернуться.

Тщетно от него пытались узнать его фамилию, адрес, имена родных или хотя бы номер войсковой части, в которой он служил. В сопроводительных документах он значился как неизвестный, а «смертного» жетона при нем не оказалось. Ничего не знали о нем и те раненые, которых привезли вместе с ним. Странное ощущение было у всех работников госпиталя, будто появился человек из ниоткуда, повоевал и пришел в никуда. Скоро слух о необычном раненом распространился по всему городу, его судьбой заинтересовались вездесущие журналисты. И уже через несколько дней в газетах и на телевидении заговорили о неизвестном солдате-герое. Если бы начальство госпиталя знало, какую мину оно подложило под себя, разрешая журналистам общаться с медперсоналом!

Уже после первого показа сюжета по телевидению госпитальные коридоры и кабинеты наполнились бесконечными телефонными звонками. Казалось, пол – страны узнало в неизвестном солдате своего сына, брата, друга, мужа. Начальник госпиталя схватился за голову, проклиная тот момент, когда он, конечно, из милосердных побуждений, пустил жадных до сенсаций журналист на порог.

Отключили почти все телефоны, чтобы они не мешали работать. Но, как известно, русское милосердие не знает границ. Окружной госпиталь стали осаждать толпы людей: здесь были и те, кто был уверен в родстве с незнакомым героем, и сердобольные старушки, которые приносили всякую снедь для «бедного солдатика», и просто любопытные, сгоравшие от нетерпения увидеть что-то эдакое. Чтобы не обижать людей, у них брали все: пироги, соленья, варенья, яйца, шашлыки, конфеты, печенье. Все это тут же распределяли по палатам. Ребятишки, ворочавшие нос от надоевших каш, компотов и жиденьких супов, все эти дни чувствовали себя именинниками.

Поистине, русская доброта может доходить до изуверства. Пришлось принимать экстренные меры: для охраны госпиталя вызвали наряд из воинской части, а потом пригласили фотографа, который сделал большой портрет раненого бойца, и вывесили его перед входом.

Однажды у входа в госпиталь появилась низенькая полуседая женщина в старом потертом пальто с облезлым воротником, в тяжелых литых сапогах и коричневой клетчатой шали. Она не плакала, не билась в истерике, как некоторые другие, а просто подошла к охранникам и сказала:

– Сыночки, тут у меня сын лежит, вы бы пропустили меня.

Строгий сержант, намаявшийся с посетителями, спросил пропуск.

– Да какой еще пропуск, мила-ай, – пропела женщина, – я из самой Сибири прикатила, а там никаких пропусков не дают.

Наконец сержант сжалился, спросил имя и фамилию больного, проверил по спискам.

– Нет, мать, тут вашего сына, ищите в другом месте.

– Да как же нет-то, вот и портрет его висит и по телевизору его показывали. Приехала, а тут еще и не пускают. – Женщина заплакала, вытирая слезы концом платка, который был под шалью. – Сы-ын это мой родненький, Ко-олька. Один он у меня, никого больше на свете нет. А тут еще и не пуска-ают.

Но бдительный сержант не дрогнул, он уже столько повидал на своем посту «родственников» безымянного солдата, что уже никому не верил. Но, видно, что-то дрогнуло в его душе, он вызвал Меркулова и показал на заплаканную женщину:

– Вот, товарищ капитан, говорит, что она мать этого солдата. – И показал на портрет.

– Здравствуйте, – поприветствовал ее Меркулов и, заметив, что их начинают окружать любопытные посетители, добавил: – Давайте пройдем в мой кабинет.

Сержант исподлобья посмотрел на капитана и, отведя глаза, неуверенно сказал:

– Сумку бы проверить надо, мало ли что.

Но Меркулов так на него взглянул, что сержант чуть не поперхнулся. В кабинете женщина степенно развязала шаль, опустив ее на плечи, показала свой паспорт, свидетельство о рождении сына, фотографии. Сомнений не оставалось – парень, потерявший память, обрел имя и мать.

Женщина не спешила в палату к сыну, видно, что-то еще держало ее вдали от него. Она захлеб рассказывала о своей нелегкой судьбе, которая была копией судеб тысяч российских женщин. Она говорила, одновременно плача и улыбаясь сквозь слезы там, где речь заходила об ее ненаглядном сыночке:

– Ведь сама-то я детдомовская, прижила Кольку с одним лесорубом. Прилипчивый был, паразит. Я тогда в леспромхозе работала, а он, как только узнал, что я беременна, рассчитался и уехал куда-то. Куда, и до сих пор не знаю. Ростила одна, леспромхоз, спасибо ему большое, помогал. Выкормила, выучила, вырастила, а тут – армия. Я три дня в ногах у военкома валялась, просила, умоляла, чтобы он не забирал моего кровинушку. Убедил он меня, проклятый, что не может этого сделать, пообещал его пристроить в строительную часть, чтоб не послали его в Чечню или еще куда. Я и поверила, дура.

Да и сам он писал, что на службе у него все хорошо, что товарищи его не обижают, что, мол, строят они какой-то секретный объект для ихнего генерала. Потом, правда, писем долго не было. А когда получила от него весточку, то сильно обрадовалась. Он, Колька-то мой, прописывал, что приедет домой с большими деньгами, и мы уедем жить в поселок. Я только посмеялась – ну какие у солдата заработки! Он – ведь глупый еще! – видать, контракт подписал, вот его и послали в Чечню.

Однажды ко мне прибежала ко мне Настя Поренкова, соседка моя, говорит, что мово Кольку по телевизору показывают, что лежит, мол, он раненый и самого себя не помнит. Телевизора у меня нет, мне и радива одного хватало. Ну, подхватила я, побежала к ней. Еле дождались новостей, я за это время, наверно, столько слез пролила, сколько за всю жизнь не выплакала. Боженька мой! И правда, лежит мой сынок со всех сторон забинтованный, но я его сразу признала по шрамику на губе. Он когда маленький у меня был, упал и порезался об стекляшку. Метка так и осталась. Его корреспонденты окружили, спрашивают, что, как да откуда, как фамилия, где живут родители, а он, бедненький, только хлопает своими глазками и... мо... молчит.

Женщина расплакалась и долго сморкалась в платок. Наконец, она успокоилась, поглядела на Меркулова:

– Вы меня извините. Вы совсем молодой, не знаю, есть ли у вас дети. Если есть, то вы меня поймете, доктор.

Меркулов чуть и сам не заплакал, так его умилило произнесенное женщиной старое, доброе и, увы, забытое слово «доктор». Он налил из графина воды, накапал в стакан валерьянки и подал женщине. Его ждало так много дел, но он не мог просто встать и уйти, понимая, что свое горе и страдание она везла через полстраны, и если ей не дать сейчас выговориться, то появится еще один калека, душевный калека. А женщина, выпив воды, продолжала:

– Вы извините меня, доктор. Я сейчас, я справлюсь.

– Ничего, ничего, – поспешил он ее успокоить. – Я вас понимаю.

– Ну вот. Я побежала к нашему директору, попросила отпуск. Он говорит: отпуск дам, а денег в кассе нет ни копейки. Дал мне немного своих. На кордоне узнали про мое горе, собрали с миру по нитке на дорогу да на гостинцы. Ох, если бы не люди, я бы не знаю, что с собой сделала.

Тут женщина словно опомнилась, подняла свои еще молодые, страдальческие глаза – Меркулова поразил контраст между этими молодыми карими глазами и увядающим лицом – и спросила:

– Как он?

– Ваш Коля молодец. Мозговые центры у него не задеты, речевая функция нормальная. Он уже потихоньку говорит, правда, вспоминает свое прошлое с трудом. Но это временно, поверьте мне. Вы просто умница... – Он посмотрел на листочек, куда записал ее имя и фамилию. – Вы просто умница, Татьяна Иннокентьевна, что приехали. С вашей помощью сын быстро поправится.

– Спасибо, доктор, – дрожащим голосом ответила мать. – А на войну его больше не пошлют?

8

С этого дня в жизни Меркулова стали происходить странные события. Сначала его ошарашила Людка. Придя с работы, она раздела Степашку, сводила его пис-пис, а потом устало села на диван и изрекла:

– Слушай, Меркулов, кажется, мы подзалетели.

– И куда же? – равнодушно спросил Виталий, укрощая бутерброд с колбасой. – Уж не под поезд ли?

– Нет, под вертолет, – зло ответила Людмила, – под женский. Ты что, соображалку совсем растерял?

Виталий чуть не подавился бутербродом, потому что такие незапланированные сюрпризы всегда выбивали его из колеи.

– И сколько?

– Почти два месяца. – Молчание мужа она расценила как недовольство. – Да ты не беспокойся, я уже договорилась с Настей.

Меркулов лишь глубоко вздохнул, выключил говорящие на экране головы, задумался.

– Может быть, не стоит?

– Чего не стоит? Тебе бы, как мужику, уже давно пора научиться ставить ударение в слове «стоит», тогда этого не произошло бы, – нервно кипятилась Людмила. – Ты что, думаешь, рассосется?

– Да нет, Мила, я о другом. Может быть, оставим ребенка!

– Это в таких-то условиях! – чуть не задохнулась от негодования Людка, даже не обратив внимания на его ласковое и забытое «Мила», как называл ее Меркулов в далекие, уже давно забытые дни медового месяца. – У тебя, видать, и правда крыша поехала.

– Ну, что-нибудь придумаем, – отбивался Виталий.

– Мне не надо что-нибудь! – гремела Людка. – Мне нужны нормальные человеческие условия и обеспеченное будущее, чтобы я знала, что если я рожу ребенка, то я смогу помыть его в ванной, а не под говенным душем, что если я перестану работать, то мне не придется идти на панель, что...! А ты!

Меркулов включил телевизор, все-таки говорящие головы на экране хоть и крыли друг друга самыми непотребными словами в своем предвыборном раже, но они не оскорбляли личного его достоинства.

А на другой день Меркулов встретил однокурсника по институту. Зашли в пивной бар, чтобы пропустить по кружечке-другой, разговорились. Однокурсник откровенно завидовал, что Меркулов работает в престижном месте на хорошей должности, а ему приходится прозябать терапевтом в занюханно-задрипанной районной поликлинике.

– Но ты же сам захотел стать терапевтом, чего ж на зеркало...

– Да причем тут зеркало! – кричал терапевт. – Просто я не мог переносить вида крови. Ты же помнишь, я при анатомировании падал в обморок, как сопливая девчонка. Я сегодня ходил в военкомат, просил направить меня в Чечню, а там мне ответили, что в терапевтах не нуждаются! Вот так!

– В Чечню! Зачем? – удивился Меркулов.

– А вот за этим, – ответил однокурсник, потерев большим и указательным пальцами. – Понял? Там знаешь, какие там бабки заколачивают! Недавно оттуда Кирпосов приехал – да ты его должен знать, он на параллельном курсе учился. Ну, высокий такой, рыжий, с бакенбардами ходил. Так вот, он оттуда пять тысяч баксов привез, здесь их несколько раз крутнул, потом купил квартиру, обстановочку, машину. Вот и я решил туда съездить. Да, видно, не судьба, так и придется до конца жизни в этом дерьме барахтаться. Тебе проще, стоит только пальцем пошевелить.

– Подожди, подожди, почему ты думаешь, что мне проще? – прервал его Меркулов.

– Да потому что там хирурги нужны, а не терапевты! Вот почему! – закричал мужик. – Мне в военкомате так и сказали...

По паре кружек не получилось, и потому Меркулов приполз домой на бровях. Людка промолчала, а Степашка залез к нему на колени и долго рассказывал о детсадовских новостях: как Лариска не захотела есть рисовую кашу, Толька стукнулся лбом об стул, Кристинка заболела свинкой и она будет теперь хрюкать, а Галинку воспитатели не отдали отцу, потому что он шатался.

На другой день Меркулов, наплевав на все субординации, пошел к генералу-профессору. В последнее время начальник госпиталя все чаще избегал встречи со своим любимцем. Данное им когда-то обещание – пробить способному хирургу квартиру и повысить оклад, превратилось в обман, и он чувствовал себя последней свиньей перед своим подчиненным. Но что он мог поделаться, когда шла борьба за выживание, в госпитале не хватало самого необходимого, и он, генерал, превратился в завхоза, всеми правдами и неправдами выбивающий шприцы, медикаменты, перевязочный материал и даже тряпки для мытья полов. Да что там госпиталь, когда некогда великая армия и вся страна за десять лет превратились в немощных младенцев.

И потому, когда к нему пришел Меркулов, он тут же принял его.

– Садитесь, Виталий Сергеич.

Меркулов сел на большой дубовый стул, который, по-видимому, достался госпиталю еще от царских времен, когда здесь размещался приют призрения.

– Что, тяжело, брат? – спросил генерал, набивая табаком трубку. – Чать, не жаловаться пришел.

– Нет, Геннадий Осипович, не жаловаться, – ответил Меркулов. – Что толку жаловаться, я же все понимаю. Но все-таки хочу вас кое о чем попросить.

– Ну-ну, – подбодрил генерал.

– Отпустите меня в Чечню.

Геннадий Осипович удивленно посмотрел на Меркулова и неожиданно раскатисто расмеялся. Меркулов такой реакции не ожидал, и потому оторопел. Генерал, заметив его замешательство, замахал руками:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.